

О ЧЕТВЕРОСТИШИИ, ПРИПИСАННОМ ПУШКИНУ

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

(Акад. II, 488)

Это четверостишие, приписывавшееся современниками Пушкину и как ему принадлежащее известное в копиях, было впервые напечатано, под его именем и под редакторским заглавием «Подражание французскому», в изданном за границей Н. П. Огаревым сборнике русской «потаенной» поэзии.¹ В отличие от Огарева, уверенного в авторстве публикуемой эпиграммы, Н. В. Гербель, выпустивший тогда же, в 1861 г., и также за границей том дополнений к вышедшему в России собранию сочинений Пушкина, испытывал относительно этой атрибуции сильные сомнения и ограничился тем, что привел лишь заглавие по имевшемуся у него списку («Подражание Дидероту») и первый стих в перечне 16 стихотворений, «быть может и принадлежащих Пушкину, как утверждают некоторые библиографы, но сильно пострадавших от небрежности переписчиков, так что их трудно признать за пушкинские безясных на то доказательств».² Эта точка зрения долго преобладала в пушкиноведении, не подвергаясь критическому анализу. В. Я. Брюсов первым включил чет-

¹ Русская потаенная литература XIX столетия: Отд. I. Стихотворения / С предисл. Н. Огарева. Лондон, 1861. Ч. I. С. 79. В этой публикации первая строка читается: «Народ мы русский позабавим...».

² Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений: Доп. к 6-ти томам петерб. изд. / Под ред. Русского [Н. В. Гербеля]. Berlin, 1861. С. XI.

веростишие «Мы добрых граждан позабавим...» в собрание сочинений Пушкина, но поместил его в отдел «Стихотворений, принадлежность которых Пушкину не доказана или сомнительна (dubia) 1817–1819 г.» как находящееся «безусловно в противоречии» с его «подлинными стихами».³ Н. О. Лернер собрал некоторые сведения о предполагаемом французском источнике и, найдя его в революционной Франции, предположил, что «Подражание французскому» было «сочинено, вероятно, в самом начале XIX века и со временем юный „либералист“ Пушкин лишь читал его так же, как читала вся передовая русская молодежь».⁴ П. Н. Сакулин, обнаруживший не известный ранее список эпиграммы, сочувственно поставил заглавием своей публикации относящуюся к ней помету: «Недостойно Пушкина», сделанную одним из поздних владельцев рукописного сборника, принадлежавшего, как заключил ученый, «какой-то дворянской семье, настроенной весьма консервативно».⁵ В «Полных собраниях сочинений» А. С. Пушкина, выходящих в 1930-е годы (приложение к журналу «Красная нива», пять изданий Гослитиздата и два издательства «Academia»), в которых пушкинисты отработывали свои текстологические принципы, реализованные затем в «большом» академическом издании, четверостишие отсутствовало.

Между тем уже в середине того десятилетия М. А. Цявловский, корректировавший облик Пушкина в подготавливаемых им текстах осторожными, мелкими штрихами применительно к идеологическому диктату грядущего юбилея, собрал и проанализировал все известные к тому времени свидетельства за и против оспариваемой и отвергаемой атрибуции.⁶ Полемизи-

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / Ред., вступ. ст. и коммент. В. Брюсова. М., 1919 (на обл.: 1920). Т. 1. Ч. 1. С. 135.

⁴ Лернер Н. О. Мелочи прошлого: Из истории русской революционной поэзии: I. «Подражание французскому» // Каторга и ссылка. 1925. № 8 (21). С. 240–241.

⁵ Сакулин П. Н. «Недостойно Пушкина» // Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. 38/39. С. 48. В этом списке первая строка читается: «Друзья! Народ мы позабавим...» (с. 54).

⁶ Цявловский М. А. О принадлежности Пушкину эпиграммы «Мы добрых граждан позабавим...» // Красная новь. 1937. № 1. С. 179–183; то же в кн.: Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М.: Изд. АН СССР, 1962. С. 58–65.

руя с Н. О. Лернером, он писал: «Мнение, что Пушкин не может быть автором эпиграммы, основывалось на неверном представлении о поэте как трибуне радикальных идей своего времени». ⁷ В подтверждение этой мысли ученый сослался на запись в дневнике П. И. Долгорукова, согласно которой Пушкин в застольном споре 20 июля 1822 г. «на дворян русских особенно нападавал», говоря, что «их надобно всех повесить, а если бы это было, то он с удовольствием затягивал бы петли». ⁸ Другим существенным аргументом в поддержку гипотезы о принадлежности Пушкину эпиграммы было приведено воспоминание И. П. Липранди о произнесенном Пушкиным 11 марта 1823 г. на обеде у генерала Д. Н. Бологовского дерзком тосте в память убийства Павла. ⁹ Эти дерзкие эскапады поэта привели Цявловского к выводу о невозможности «в категорической форме отрицать принадлежность Пушкину революционной эпиграммы». «Как можно утверждать, — писал он, — что поэт, по словам Вяземского, „живший и раскалявшийся в жгучей и вулканической атмосфере“ декабристских кругов, не мог символизировать вольный перевод французских стихов, с такой страшной экспрессией выражающих дух великой буржуазной революции». ¹⁰ Соответственно во втором томе «большого» академического «Полного собрания сочинений» (1947) четверостишие «Мы добрых граждан позабавим...» было введено в отдел «Dubia» с датировкой июнем (не ранее 11) — 1819 г. (Акад. II, 488, 1199-1200). С этим решением согласились редакторы последующих авторитетных советских изданий. ¹¹

⁷ Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. С. 65.

⁸ Там же. См.: Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вацура и др. М., 1985. Т. 1. С. 375; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1. (1799–1824) / Сост. М. А. Цявловский; отв. ред. Я. Л. Левкович. С. 280-281.

⁹ Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. С. 65. См.: Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 315; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 318, 505.

¹⁰ Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. С. 65.

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1 / Текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. С. 434 (отдел «Стихотворения, приписываемые Пушкину»; повторено во всех переизданиях, последнее: 4-е изд. Л.: Наука, 1977. Т. 1. С. 398); Пушкин А. С. Полн. собр. соч.:

Однако сомнения и колебания не исчезли. Ю. Г. Оксман считал, что Н. О. Лернер и М. А. Цявловский в своих статьях «окончательно установили отсутствие оснований для приписывания этого четверостишия Пушкину». ¹² Двумя десятилетиями позже М. П. Алексеев, затрудняясь «перечислить все те издания, в которых четверостишие безоговорочно приписывается Пушкину, причем с совершенно произвольной датировкой», сожалел, что «это категорическое решение» авторитетного ученого было к тому времени «основательно забыто». ¹³ Это замечание было не вполне справедливым. Мнение Ю. Г. Оксмана было учтено и принято редакторами и составителями некоторых антологий русской сатирической поэзии. Безоговорочно отвел авторство Пушкина В. А. Мануйлов, отнесший четверостишие к «анонимным эпиграммам»; ¹⁴ такое же решение принял, а затем от него отказался М. И. Гиллельсон,

В 6 т. М.: Гослитиздат, 1949. Т. 1 / Том подгот. Т. Г. Цявловской. С. 305 (без выделения отдела «Dubia», среди стихотворений 1819 г., с указанием в комментарии: «Для полной уверенности в принадлежности эпиграммы Пушкину нет точных данных». — С. 512); Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 1 / [Том подгот. Т. Г. Цявловской]. С. 482 (в отделе «Ранние стихотворения, незавершенное, отрывки, наброски», где также «даются стихотворения <...> принадлежности которых Пушкину не может считаться окончательно установленной» — С. 5, среди стихотворений 1819 г., с комментарием, оставляющим впечатление большой уверенности в атрибуции — С. 620–621); повторено: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1. С. 535, 713–714. Критические замечания см. в первой публикации данной статьи: Рак В. Д. К истории четверостишия, приписанного Пушкину // Временник Пушкинской комиссии, 1973. Л., 1975. С. 107–108); Вольная русская поэзия второй половины XVIII—первой половины XIX века / Вступ. статьи С. Б. Окуня и С. А. Рейсера; сост., подгот. текста, вступ. заметки и примеч. С. А. Рейсера. Л.: «Сов. писатель», 1970 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.). С. 336 (повторено: Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста, сост., вступ. заметки и примеч. С. А. Рейсера. Л.: «Сов. писатель», 1988 (Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд.). Т. 1. С. 241).

¹² Оксман Ю. Г. Из истории агитационно-пропагандистской литературы двадцатых годов XIX века // Очерки из истории движения декабристов: Сб. ст. / Под ред. Н. М. Дружинина, Б. Е. Сыроечковского. М., 1954. С. 481.

¹³ См.: Рак В. Д. Указ. соч. С. 107, сн. 3 (примеч. М. П. Алексеева).

¹⁴ Русская эпиграмма (XVIII—XIX в. в.) / Предисл., подгот. текста и примеч. В. Мануйлова. Л.: «Сов. писатель», 1958 (Библиотека поэта. Малая серия. 3-е изд.). С. 202.

поместивший стихотворение среди эпиграмм «неизвестных авторов»,¹⁵ но позднее определивший его все же в раздел «Приписываемое» Пушкину.¹⁶ С. А. Рейсер двигался, напротив, в сторону большего скептицизма: во второе издание своей антологии он ввел отсутствовавшее в первом указание на то, что «достоверных свидетельств, подтверждающих авторство Пушкина» не имеется.¹⁷ В сборнике, подготовленном Л. Ф. Ершовым, четверостишие не включено в раздел «Стихотворения, приписываемые Пушкину».¹⁸

Вопрос о принадлежности Пушкину четверостишия «Мы добрых граждан позабавим...» не имеет, по-видимому, окончательного решения, так как все аргументы, поддерживающие или ставящие под сомнение гипотезу о его авторстве, взаимно уравновешиваются.

В 1820-е годы эпиграмма распространялась под именем Пушкина, но это обстоятельство не может рассматриваться в качестве авторитетного подтверждения его авторства; псевдопушкиниана тех лет многочисленная, и сам он писал: «...всякое слово вольное, всякое сочинение противозаконное приписывают мне» («Воображаемый разговор с Александром I», 1824 — Акад. XI, 23) и «Все возмутительные рукописи ходили под моим именем (письмо П. А. Вяземскому от 10 июля 1826 — Акад. XIII, 286). Как его сочинение оно записано не ранее (вероятно, позднее) августа 1819 г. в тетради, обнаруженной и опубликованной П. Н. Сакулиным. 18 июля 1827 г. рядовой Д. Брандт, разжалованный из шгабс-капитанов, показал, что

¹⁵ Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. / Вступ. ст. Л. Ф. Ершова; сост., подгот. текста и примеч. В. Е. Васильева, М. И. Гиллельсона, Н. Г. Захаренко. Л.: «Сов. писатель», 1975 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.). С. 425, 826.

¹⁶ Русская эпиграмма: (XVIII - начало XX века / Сост. и примеч. М. И. Гиллельсона и К. А. Кумпан. Л.: «Сов. писатель», 1988 (Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд.). С. 259, 604–605.

¹⁷ Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков. Т. 1. С. 590.

¹⁸ Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира от Кантемира до Пушкина / Сост., автор вступ. ст. Л. Ф. Ершов, примеч. А. Л. Ершова. М., 1988. Отдел анонимных стихотворений в книге отсутствует, так что четверостишию в ней не нашлось места.

юнкер В. Я. Зубов декламировал ему следующий «отрывок» Пушкина:

И у фонарного столба
Попа последнего кишкой
Царя последнего удавим.¹⁹

Эти свидетельства исходили от людей, не связанных с поэтом, и поэтому не могут считаться авторитетными. Они лишь отражали существовавшее в те годы убеждение в том, что эпиграмма вышла из-под пера Пушкина.

Большой интерес представляют две другие копии, сделанные хорошими знакомыми Пушкина, много и тесно с ним общавшимися в послелицейский петербургский период.

Одна из них находится в тетради, принадлежавшей А. В. Шереметеву, который, зная Пушкина лично и будучи связан с декабристами, мог получать тексты стихотворений если не от самого поэта, то из его ближайшего окружения. Тетрадь заполнялась в двадцатые годы, качество текстов в ней очень высокое, и четверостишие приписано Пушкину. Кроме этого спорного стихотворения, в ней нет ни одного другого из числа ходивших под его именем, но в действительности ему не принадлежавших. Пушкинские стихотворения записывались главным образом в 1824 г., некоторые ранее, а несколько позднее и другим почерком.²⁰ Четверостишие «Мы добрых граждан позабавим...» расположено на равном удалении от записанного выше «Кинжала» (1821) и ниже антологической эпиграммы «А. Н. М.» («Лук звенит, стрела трепещет...», 1827); между ним и эпиграммой находятся стихотворения 1816–1822 гг. Это положение копии позволяет датировать ее 1824 г., и, следовательно, она могла быть сделана как с более ранней записи самого Шереметева, имевшей источником автограф (декламацию) Пушкина, так и, с равной вероятностью, со списка, получен-

¹⁹ См: Ганцова-Берникова В. Отголоски декабрьского восстания 1825 года // Красный архив. 1926. Т. 3 (16). С. 193.

²⁰ Томашевский Б. В., Тынянов Ю. Н. Молодой Тютчев: (Неизданные стихи) // Тютчевский сборник: (1873 - 1923). Пг., 1923. С. 40.

ного им из вторых рук, когда его опальный друг был уже в ссылке. В последнем случае нельзя исключить того, что, сам не располагая уверенными сведениями об авторстве Пушкина, Шереметев лишь принял атрибуцию, с которой до него дошло четверостишие.

Другая авторитетная копия находилась в ныне утраченной тетради, принадлежавшей приятелю Пушкина — П. П. Каверину. Здесь имя поэта при эпиграмме не значилось, но владелец тетради был, вероятно, твердо убежден в его авторстве: массив стихотворений, переписанных им 9-11 ноября 1824 г., составляют, за несколькими посторонними вкраплениями, пушкинские, главным образом 1817–1819 гг.,²¹ и четверостишие «Мы добрых граждан позабавим...», записанное под заглавием «Подражание Мирабо», их замыкает, следуя за нозлем «Сказки» («Ура! в Россию скачет...») и эпиграммой «<На Стурдзу>» («Холоп венчанного солдата...»); в оглавлении после несколько измененного заглавия «Слово Mirabeau» следуют «Ах тетушка! ах Анна Львовна!», «О муза пламенной сатиры...» и «Ода Наполеону» (т.е. «Наполеон»), находящиеся на удаленных от эпиграммы страницах и в нарушение последовательности самих текстов переставленные сюда с явной целью сгруппировать произведения по признаку авторства. Однако наличие в тетради в окружении произведений Пушкина, записанных в эти дни, другого стихотворения («На женитьбу Сипягина»), принадлежность которого ему сомнительна, говорит о том, что никоим образом не исключена ошибка Каверина касательно авторства четверостишия «Мы добрых граждан позабавим...». Ряд текстов Пушкина Каверин переписал из альбома М. А. Щербинина, где это стихотворение отсутствует; следовательно, копия в тетради была сделана с какого-то имевшегося у ее владельца списка, относительно которого возможны те же предположения и те же выводы, что и разобранные применительно к тетради Шереметева.

Таким образом, ни доводы «за», ни «против», получаемые анализом тетрадей Каверина и Шереметева, не обладают до-

²¹ Щербачев Ю. Н. Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М., 1913 С 78 - 94

статочной убедительностью, чтобы служить неопровержимым доказательством атрибуции либо атетезы. Можно лишь констатировать, что лица, знакомые с Пушкиным, считали его автором четверостишия «Мы добрых граждан позабавим...»; однако они не оставили никаких указаний на источник текста, а потому достоверность этих свидетельств не может не вызывать большого сомнения.

Нет таких указаний и ни в одном из поздних списков (Н. С. Тихонравова, В. Е. Якушкина, П. А. Ефремова); не дал их и Н. П. Огарев, опубликовавший стихотворение как пушкинское.

Фактические свидетельства в пользу авторства Пушкина крайне ненадежны. Какое же место в разбираемой гипотезе могут занять запись П. И. Долгорукова и воспоминания И. П. Липранди? Они не столько «поддерживают» гипотезу, как утверждала Т. Г. Цявловская относительно первой из них,²² сколько позволяют ее не отвергнуть. Не лишне заметить, что слова, которые передают Долгоруков и Липранди, были сказаны Пушкиным несколько лет спустя после гипотетической даты создания эпиграммы.²³ К тому же соответствие между ними и эпиграммой, которое особо подчеркивается автором комментария, слишком далекое, чтобы ссылаться на него в подтверждение гипотезы.

Пушкин мог написать четверостишие «Мы добрых граждан позабавим...», но нет весомых доказательств, что именно он его написал. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что современники ассоциировали эту эпиграмму и с другими именами. Например, в памяти Е. А. Бестужевой она сохранилась как сочинение Е. А. Баратынского.²⁴

Независимо от того, кому принадлежала эпиграмма «Мы добрых граждан позабавим...» — Пушкину или какому-то не-

²² Пушкин А. С. Собр. соч. В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 1. С. 622.

²³ Попутно отметим, что в комментарии Т. Г. Цявловской ни слова не говорится о мотивах датировки четверостишия точно 1819 г., как можно понять из места, определенного ему в томе.

²⁴ См.: Воспоминания Бестужевых // Ред., ст. и коммент. М. К. Азадовского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 414. В варианте Бестужевой отличаются третья и четвертая строки «Царя мы русского задавим // Кишкою русского попа».

известному нам лицу, ни один из встречающихся в копиях вариантов ее заголовка («Подражание Mirabeau», «Слово Mirabeau», «Экспромт»,²⁵ «Подражание французскому», «Подражание Дидероту») не был, по всей вероятности, авторским; каждый был добавлен на какой-то стадии распространения данной копии очередным пожелавшим ее записать в соответствии с его представлением об авторе французских стихов, послуживших русскому поэту источником. Если сами стихи были, вероятно, хорошо известны русским образованным людям, даже, может быть, как крылатое выражение, сведения о том, кто их сочинил, были, как видно по заглавиям, неопределенными и смутными. В дальнейшем комментарий к четверостишию оброс многими ошибками, недоразумениями и неточностями, которые в свою очередь породили еще более неприятные погрешности в статьях и монографиях, посвященных отдельным моментам истории литературы и общественной мысли XVIII — начала XIX вв. Проследить, как они накапливались и умножались, небезынтересно и весьма поучительно в методологическом отношении.

Сведения, на которых долгое время, до середины 1970-х гг., основывались комментарии, собрал и сообщил в 1925 г. Н. О. Лернер.²⁶ В качестве непосредственного источника эпиграммы он указал двустишие, цитированное Ж. - Ф. де Лагарпом в «Лицее»:

Et des boyaux du dernier prêtre
Serrons le cou du dernier roi.²⁷

Автором этих стихов Лагарп назвал Д. Дидро, в чьих сочинениях таких строк нет, но похожая мысль высказана в дифирамбе «Бредящие свободой, или Отречение бобового короля»

²⁵ Это заглавие четверостишие имеет в сборнике П. А. Александрова, о котором см.: Акад. II, 1012.

²⁶ Лернер Н. О. Мелочи прошлого... С. 240.

²⁷ La Harpe J.-F. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. Paris, l'an XIII [1805]. T. 16: Dernière partie: Philosophie du XVIIIe siècle. P. 173 (ch. III, sec. VI. Code de la Nature). Перевод: И кишками последнего попа || Сдавим шею последнего короля.

(«Eleuthéromanes, ou Abdication d'un roi de la fève»), написанном в 1772 г., а опубликованном лишь в 1796 г.:

Et ses mains ourdiraient les entrailles du prêtre
Au défaut d'un cordon pour étrangler les rois.²⁸

В конечном итоге, указал Лернер, эта формула расправы с королями и попами восходит к «Завещанию» Жана Мелье, чьи слова были ученым приведены неточно, очевидно по пересказу, содержащемуся в одной из использованных им иностранных книг: «Я хотел бы, и это будет последнее и самое пламенное мое желание, чтобы последний царь был удушен кишкою последнего попа».²⁹

Сведения, приведенные Н. О. Лернером, повторил П. Н. Сакулин.³⁰ На основании их же составил свой краткий, но точный комментарий Б. В. Томашевский, указавший, что эпиграмма является «вольным переводом французских стихов, приписывавшихся Дидро».³¹ Этим комментарием несколько позже воспользовался В. А. Мануйлов.³²

Однако уже в 1951 г. в комментарии к воспоминаниям Е. А. Бестужевой четверостишие было названо «переводом из Дидро».³³ Несколько позже, Ю. Г. Оксман «уточнил» приве-

²⁸ Diderot D. Œuvres complètes. Paris, 1875. T. 9. P. 16. Перевод: И за неимением веревки его руки сплетали кишки попа, чтобы удушить ими королей. К этим стихам из дифирамба, считая их вольтеровскими, возводил эпиграмму «Мы добрых граждан позабавим...» А. В. Шереметев, записавший их перед ее текстом (см.: Акад. II, 1200). Это мнение было, по-видимому, распространено и отразилось в заглавии, приведенном Н. В. Гербелем.

²⁹ Кроме нескольких иностранных книг, Н. О. Лернер пользовался статьей В. П. Волгина «Мелье и его „Завещание“» (Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 5—46), но в ней этих слов нет. Точный перевод слов Мелье: Он высказал пожелание, чтобы все сильные мира и знатные господа были перевешаны и удушены петлями из кишок священников. (См.: Мелье Ж. Завещание / Пер. с франц. Ф. Д. Капелюша и Г. П. Полякова; под ред. Ф. А. Коган-Бернштейн; пер. прилож. и коммент. Ф. Б. Шуваловой; вступ. ст. В. П. Волгина. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. С. 71).

³⁰ Сакулин П. Н. «Недостойно Пушкина». С. 55.

³¹ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1. С. 509.

³² См.: Русская эпиграмма (XVIII—XIX в. в.). С. 314.

³³ Воспоминания Бестужевых. С. 791.

денные Н. О. Лернером слова Жана Мелье без обращения к подлинному тексту: «последний царь» был им заменен на «последнего короля», а также сделано указание на то, что это изречение содержится в конце «Завещания», хотя на самом деле оно находится во второй главе. Кроме того, без всяких на то оснований автором двустишия, цитированного в книге Лагарпа, был назван Марешаль.³⁴ Эти ошибки повторили С. А. Рейсер³⁵ и М. И. Гиллельсон,³⁶ оба, впрочем, их исправившие после выхода данной статьи.³⁷ Легенда о принадлежности Марешалю данного двустишия начала проникать и в специальные исследования, посвященные этому писателю.³⁸

К прямым ошибкам и неточностям, окружившим четверостишие «Мы добрых граждан позабавим...», добавилась вполне правдоподобная на первый взгляд, но сильно теряющая свою убедительность при расширении историко-литературного фона интерпретация первого стиха эпиграммы. М. А. Цявловский высказал, но ничем не подтвердил предположение о том, что строка «Мы добрых граждан позабавим» явилась полемическим откликом на возмущение Лагарпа тем, что находились

³⁴ См.: Оксман Ю. Г. Указ. соч. С. 481. Н. О. Лернер, приводя двустишие в своей статье «Мелочи прошлого» (с. 240), указал, что существует предположение об авторстве Марешала. Эта гипотеза не получила подтверждения, но тем не менее была без проверки принята Ю. Г. Оксманом за доказанный факт. В работах о Марешале не содержится сведений об этом двустишии. См.: Марешаль П. - С. Избранные атеистические произведения / Ред. и ст. Х. Н. Момджяна. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 5—44; Великовский С. Поэты французских революций, 1789—1848. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 99—110; Обломовский Д. Литература французской революции 1789—1794 гг. М.: «Наука», 1964. С. 294—327; Кучеренко Г. С. Судьба «Завещания» Жана Мелье в XVIII веке. М.: «Наука», 1968. С. 137—193.

³⁵ См.: Вольная русская поэзия второй половины XVIII—первой половины XIX века С. 805.

³⁶ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вацуру и др. М., 1974. Т. 1. С. 507.

³⁷ См.: Вольная русская поэзия XVIII - XIX веков. Т. 1. С. 590; Русская эпиграмма второй половины XVII - начала XX века. С. 826; А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вацуру и др. М., 1985. Т. 1. С. 517.

³⁸ См.: Лихоткин Г. А. Сильвен Марешаль и «Завещание Екатерины II» (к истории одной литературной мистификации). Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. С. 50.

люди, считавшие двустишие забавным.³⁹ Т. Г. Цявловская заявила это в своем комментарии уже в категорическом тоне.⁴⁰ Возникновение этой гипотезы было закономерным, и ее существование оправданным, пока предполагался только один источник эпиграммы — «Лицей». Однако до русских людей французское изречение, послужившее ей основой, доходило и другими путями.

Среди разрозненных заметок, сделанных французским писателем С.-Р.-Н. Шамфором (1740—1794) на клочках бумаги и изданных посмертно в 1795 г., есть следующая запись: «Некто осмелился сказать: „Хочу дожить до того дня, когда последнего короля удавят кишками последнего попа“».⁴¹ Шамфор записал это изречение не позднее начала 1794 г. (он умер 13 апреля этого года), и, следовательно, еще раньше эта формула, стала, очевидно, популярным крылатым выражением, прошедшим ту стадию фольклоризации, на которой утратилось имя автора.

30 фруктидора четвертого года республиканского календаря (16 сентября 1796 г.) в журнале «*Décade philosophique, littéraire et politique*» был напечатан в неполном виде дифирамб Дидро. Полностью он был опубликован 20 брюмера пятого года (10 ноября 1796 г.) в «*Journal d'économie publique*». В редакторском примечании указывалось, что строки о священнике и короле, появившиеся в первой публикации, вызвали негодование многих людей.⁴² Одна из целей второй публикации состояла в том, чтобы смягчить это впечатление, напечатав «Аргумент», в котором Дидро объяснял обстоятельства создания стихотворения и его жанровые особенности. «Аргумент», по мысли редакции, должен был убедить негодующих в том, что стихотворение не имеет никакого отношения к событиям дня, что оно выросло из бытовой шутки и что это «страшное» двустишие следует воспринимать не буквально, а лишь как

³⁹ Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. С. 64.

⁴⁰ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 1. С. 620.

⁴¹ Chamfort S.-R.-N. Œuvres recueillies et publiées par un de ses amis. Paris, l'an III [1795]. Т. 4. Р. 352. Русский перевод в кн.: Шамфор. Максимумы и мысли; Характеры и анекдоты / Изд. подгот. П. Р. Заборов, Ю. Б. Корнеев, Э. Л. Линецкая. М.; Л.: «Наука», 1965. С. 165

⁴² Diderot D. Œuvres complètes. Т. 9. Р. 9.

поэтический образ, порожденный условностями жанра. Однако с именем Дидро стала прочно ассоциироваться фраза «нужно удушить последнего короля кишками последнего попа». Ее на все лады повторяла роялистская пресса в своих нападениях на республику.⁴³ Один из ее вариантов и привел Лагарп. Таким образом, изречение могло стать известно в России через разные каналы: через французских эмигрантов, через роялистскую прессу и, наконец, через книгу Шамфора. В России хорошо знали сборник произведений Шамфора. Извлечения из него неоднократно печатались в переводах в русских журналах начала XIX в. Шамфора цитировал в письмах и записных книжках П. А. Вяземский; афоризмы французского остролова постоянно сохранялись в памяти Пушкина и нашли отражение в его сочинениях и черновых записях.⁴⁴ Те из русских, кто читал максимы Шамфора в подлиннике, не могли, по всей вероятности, не обратить внимание на «крамольное» изречение. Правда, никаких свидетельств на этот счет не обнаружено.

В 1806 г. двустишие, напечатанное в «Лицее», получило новое широкое распространение. С заменой глагольной формы «*Segons*» на «*Segtez*» эти строки цитировались как «философские стихи Дидро» в опубликованном посмертно «Отрывке, найденном в бумагах г-на де Лагарпа»,⁴⁵ немедленно растиражированном периодическими изданиями. Быстро переведенный на русский язык,⁴⁶ этот очерк перепечатывался

⁴³ См. краткую сводку в кн.: *Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle.* Paris, s.a. T. 2. P. 1173.

⁴⁴ Свод сведений о популярности Шамфора в России см.: *Корнеев Ю. Б., Линецкая Э. Л. Шамфор и его литературное наследие // Шамфор. Максимы и мысли; Характеры и анекдоты.* С. 258–259; *Лернер Н. О. Пушкинологические этюды: VII. Пушкин и Шамфор // Звенья.* М.; Л.: «Academia», 1935. Кн. 5. С. 119–121; *Козмин Н. К. Пушкин-прозаик и французские остроловы XVIII в.: (Шамфор, Ривароль, Рюльер) // Изв. по русскому языку и словесности АН СССР.* 1928. Т. 1, кн. 2. С. 548–551.

⁴⁵ *Laharpe J.-F. de. Œuvres choisies et posthumes.* Paris, 1806. T. 1. P. LXII–LXVIII.

⁴⁶ *Лагарп Ж-Ф. Казотова предсказание / Из Франц. журн. // Вестник Европы.* 1806. Ч. 29. № 19. С. 201–209.

и позднее.⁴⁷ В контексте явно выраженного Лагарпом осуждения людей, находивших двустишие забавным («Лицей») и с удовольствием его декламировавших в предреволюционных вольнодумных парижских салонах («Казотова предсказание») александровская цензура не находила его опасным и беспрепятственно пропускала в страну соответствующий том «Лицея», а «Казотова предсказание» — в печать, тем более что стихи выходили в обращение только на французском языке.⁴⁸

То, что русские хорошо знали французское изречение и были осведомлены о его широком распространении во Франции, видно из письма К. Н. Батюшкова к Н. И. Гнедичу из Парижа от 27 марта 1814 г.: «И та самая чернь, которая приветствовала победителя на сей площади, та же самая чернь и ветренная и неблагодарная, часто неблагодарная! накинута веревку на голову *Napolio, Imp. Aug.*, и тот самый неистовый, который кричал несколько лет назад тому: „Задавите короля кишками попов“, тот самый неистовый кричит теперь: „Русские спасители наши, дайте нам Бурбонов! Низложите тирана! Что нам в победах? Торговлю, торговлю!“».⁴⁹

Итак, книгу Лагарпа, при всей ее огромной популярности в России,⁵⁰ следует рассматривать, очевидно, лишь как один из возможных источников четверостишия «Мы добрых граждан позабавим...». Отсюда весьма неопределенным становится и предположение о полемическом характере первой строки. Наконец, если возможен и другой источник эпиграммы, то

⁴⁷ Повести, анекдоты и смесь, изданные М. Каченовским. М., 1819. Ч. 3. С. 270–280.

⁴⁸ В другом переводе, вышедшем уже в николаевское время, «крамольный» стих был опущен. См.: Достопримечательный случай, описанный известным литератором Лагарпом // Некоторые любопытные приключения и сны из древних и новых времен. М., 1829. С. 223.

⁴⁹ *Батюшков К. Н. Соч. : В 2 т. М., 1989. Т. 2 / Сост., подгот. текста, коммент. А. Л. Зорина.* С. 272. В комментарии поясняется: «*Задавите короля кишками попов...* — цит. из стих. Д. Дидро „Элевтероманы, или Одержимые свободой“ (1772). Батюшков был знаком с этой фразой по „Курсу“ Лагарпа (т. XV, гл. III)» (Там же. С. 625). Ошибки, происходящие от невнимательности и небрежности, продолжают умножаться, наслаиваясь одна на другую!

⁵⁰ См.: *Аксенова Г. В. Книги Ж. - Ф. Лагарпа в России последней трети XVIII — начала XIX в. // Книга в России XVI — середины XIX в.: Материалы и исследования.* Л., 1990. С. 174–175.

снижается убедительность гипотезы о ее принадлежности Пушкину, которая, без сомнения, имела сильное подтверждение в том факте, что по книге Лагарпа поэт учился в Лицее.

Из всего сказанного вытекает, что изучение истории распространения формулы «задушить одного кишками другого» может оказаться весьма полезным. Она прослежена до Жана Мелье, но существовала гораздо раньше, чем стало известно его сочинение. Изречение из «Завещания» обычно цитируется от имени самого Мелье, в то время как он приводит «пожелание одного человека», который «не отличался образованием и ученостью, но, по-видимому, не лишен был здравого смысла», трезво судил о всех «возмутительных злоупотреблениях и обрядах», проник в тайну несправедливости, царящей на земле, и «хорошо понял, кто ее зачинщики и вдохновители». ⁵¹ По всей вероятности, нет никаких оснований считать, что Мелье использовал обычный прием создания фиктивного персонажа, чтобы при надобности возложить на него ответственность за «крамолу». «Завещание» в буквальном смысле слова начинено от начала до конца «крамольными», «богохульными», «взрывными» мыслями, которые все высказываются от имени автора. Призыв к неповиновению священникам и королям и к физическому их уничтожению звучит в книге неоднократно, в том числе в той же второй главе. Если бы Мелье опубликовал при жизни свое сочинение, то и без этого изречения он обрек бы себя на жесточайшие гонения. Но книга была завещанием в прямом смысле этого слова. Ее написал человек, который, «готовясь к уходу из жизни», «почувствовал себя в силах сделать то, на что он не мог решиться раньше: открыто сказать давно и глубоко им продуманную правду о человеческих отношениях, о религии, о государстве, об общественном строе». ⁵² У Мелье не было причин лукавить, и его словам об «одном человеке», по-видимому, можно доверять, тем более что все «Завещание» отличается искренним тоном. По всей видимости, Мелье прочел это изречение в одном из публицистических памфлетов конца XVII — начала XVIII в.

⁵¹ Мелье Ж. Завещание. Т. 1. С. 70–71.

⁵² Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 279.

Действительно, в литературе XVII — XVIII вв. встречается формула, очень похожая на слова, приводимые в «Завещании». На русском языке она представлена в «Письмовнике» Н. Г. Курганова в следующей «краткой замысловатой повести»: «Италианец, будучи вопрошен французом, у кого бы он лучше хотел быть в подданстве — у короля ли французского или у испанского? Я бы желал видеть одного повешена на кишках другого». ⁵³

Сходство формулировок, при всем их различии, настолько велико, что на его основе сложилась легенда о Курганове — тираноборце и атеисте, который по всем законам екатерининского времени должен был сгнить в Шлиссельбургской крепости, но неведомыми силами был от этой участи спасен и на протяжении тридцати лет шесть раз безнаказанно публиковал призыв передуть королей.

Толчком к возникновению этой легенды послужила очередная неточная публикация Ю. Г. Оксманом слов из «Завещания» в сборнике «Очерки из истории движения декабристов». С этими словами Г. П. Макогоненко сопоставил приведенную выше повесть Н. Г. Курганова и пришел к следующему выводу: «Пока не удалось установить источника 291-й повести Курганова. Не исключена возможность, что он был знаком с самим „Завещанием“ Мелье, которое опубликовал Вольтер. Стоит подчеркнуть, что в кургановской повести формула Мелье несколько изменена — из нее выброшен выпад против церкви. Можно предположить, что именно сам Курганов изменил эту формулу, так как избегал какого-либо столкновения с церковью. После переработки формула не потеряла своей радикальности, а, пожалуй, выиграла, поскольку вся ненависть перенесена на королей. Опубликование и пропаганда Кургановым революционного призыва французского утопического коммуниста расправиться с королями несомненно делает честь русскому просветителю». ⁵⁴

Много вопросов вызывает этот отрывок, начинающийся осторожным предположением и заканчивающийся почти ка-

⁵³ Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. СПб., 1769. С. 170.

⁵⁴ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М.: ГИХЛ, 1956. С. 107.

тегорическим утверждением того, что несколькими строками выше высказывалось лишь в виде гипотезы. Почему Курганов в этой повести побоялся столкновения с церковью, если во многих других он не стеснялся высмеивать священников? Почему он переработал оригинал так, что в его повести стали ощущаться отголоски давних европейских распрей? Почему царское правительство не усмотрело в этой повести ничего крамольного, и Курганов имел возможность беспрепятственно перепечатывать свой призыв? Почему в мрачные годы николаевской реакции, когда четверостишие «Мы добрых граждан позабавим...» распространялось в списках из-под полы, повесть № 291 без затруднения проходила цензурные рогатки, хотя, например, из предпоследнего, десятого издания «Письмовника» (М., 1831) было изъято двенадцать рассказов, которые, очевидно, были сочтены оскорбительными для религии?

Вопрос о том, как Курганов познакомился с изречением из «Завещания», решается очень просто: он его не знал. Для того чтобы установить тот факт, что повесть Курганова не могла быть подсказана «Завещанием», достаточно было обратиться к знаменитому «Извлечению мыслей Жана Мелье», опубликованному Вольтером в 1762 г. В этом небольшом памфлете, занимавшем очень важное место в антирелигиозной пропаганде, развернутой великим французским просветителем, Вольтер, излагая мысли Мелье, искусно их подобрал и препарировал в своих целях так, что превратил их автора из атеиста в деиста.⁵⁵ Изречения, о котором идет речь, в этом памфлете нет. Сам Вольтер подобной мысли нигде не формулировал. Единственным местом в его сочинениях, в котором можно, по-видимому, с ничтожной степенью вероятности заподозрить отзвук этого изречения, является одно предложение из письма к Шабанону от 21 декабря 1767 г.: «Было бы неплохо отправить всех янсенистов на морское дно, повесив каждому из них на шею по иезуиту».⁵⁶

Итак, до 1769 г., когда вышел «Письмовник», изречение из «Завещания» не могло стать известным Курганову через ис-

⁵⁵ См.: Кучеренко Г. С. Судьба «Завещания» Жана Мелье... С. 50–67.

⁵⁶ Цит. по кн.: Державин К. Н. Вольтер. [М.]: Изд-во АН СССР, 1946. С. 396–397.

точник, указанный Г. П. Макогоненко. Этот факт устанавливался легко, и тем более тщательной проверки требовала не только гипотеза о происхождении, повести № 291, особенно в части, касающейся переработки гипотетического французского оригинала, но и истолкование повести как призыва передуть королей. Этого, однако, сделано не было. Напротив, гипотеза была немедленно принята в качестве бесспорного положения.

Еще до выхода книги, в которой эта гипотеза была опубликована, Д. Д. Благой, опираясь на докторскую диссертацию Г. П. Макогоненко (1955 г.), ввел в третье издание своего учебника по истории русской литературы XVIII в. рассуждение о крамольном политическом характере повести № 291.⁵⁷ Подкрепленное авторитетом двух ведущих ученых, это истолкование повести давало возможность и требовало «подтянуть» к ней по значимости и другие рассказы из «Письмовника». И уже в следующей работе о Курганове это было сделано. Характеризуя «Краткие замысловатые повести», А. П. Денисов писал, что они проникнуты «ненавистью к феодально-крепостническим порядкам», что Курганов «обрушивался» на духовенство, что он «жестоко высмеивал» рабское преклонение перед всем иностранным, что в этом разделе «Письмовника» он отвел «значительное место <...> пропаганде естественнонаучных взглядов⁵⁸ и борьбе с реакционными теориями» и, конечно, что он бросил «призыв к истреблению королей».⁵⁹ Советские литературоведы всегда подчеркивали, что повести Курганова являются произведениями сатирическими и что его сатира имеет ярко выраженный демократический характер.⁶⁰ Однако в столь сильных выражениях никто до А. П. Денисова о Курганове не писал. Но и это еще не было пределом. О. А. Хамицаева нашла

⁵⁷ Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. Изд. 3-е, перераб. М., 1955. С. 387.

⁵⁸ Пропаганде естественнонаучных взглядов в разделе «Кратких замысловатых повестей» посвящена одна повесть (№ 3)!

⁵⁹ Денисов А. П. Курганов — выдающийся русский ученый и просветитель XVIII века. Л., 1961. С. 96, 98, 100.

⁶⁰ См., например: Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1939. С. 221.

в «Завещании» еще две случайные параллели к повестям Курганова и на этом основании сделала следующий вывод: «Идеи французского коммуниста-утописта Жана Мелье были хорошо усвоены Кургановым. Живя интересами своего времени, владея четырьмя иностранными языками, Курганов не мог не знать работ этого просветителя».⁶¹ Курганов — атеист, коммунист-утопист! — таков логический вывод из этого рассуждения, ибо никак не оговоренное и ничем не уточненное слово «усвоил» здесь может значить лишь одно: принял и согласился. При этом исследовательница не знала о том, что найденные ею параллели находятся в той части «Завещания», которая впервые была опубликована лишь в 1864 г.

В качестве завершающего звена в этой цепи ошибок и абсурдов необходимо отметить, что и автор специальной работы о Мелье, прекрасно осведомленный в истории распространения текста «Завещания», не устоял перед искушением поразить воображение читателей броским фактом. «Выражение <Мелье>, — пишет он, — действительно приобрело популярность. Его по-разному употребили в дело и Вольтер, и Дидро — последний в цикле <!> стихов „Мания свободы“ <!>. И вот через многие страны и пограничные кордоны долетели эти переделки и до России. Уже в 1769 г. в сочинении Г. <!> Курганова „Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмовсловие“ фигурировала поговорка <!>, смахивавшая на этот афоризм».⁶²

Ни вольтеровское письмо 1767 г., ни стихотворение Дидро 1772 г. не могли «долететь» до Курганова. Откуда же в этом случае появились в «Письмовнике» слова, столь похожие на изречение из «Завещания»?

Повесть № 291 представляет собою дословный перевод рассказа, напечатанного в учебнике французского языка для немцев Жана Робера де Пеплие.⁶³ Этот учебник, вышедший пер-

⁶¹ Хамицаева О. А. К вопросу о жанре «Кратких замысловатых повестей» Н. Г. Курганова // Вопросы стиля художественной литературы / Под общ. ред. А. И. Ревякина. М., 1964. С. 87.

⁶² Поршнев Б. Ф. Мелье. М.: «Молодая гвардия», 1964. С. 215. (Жизнь замечательных людей).

⁶³ Об источниках повестей Курганова см.: Рак В. Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. СПб., 1998. С. 90–146.

вым изданием в 80-х годах XVII в., пользовался в XVIII в. огромной популярностью во многих европейских странах и выдержал большое число переизданий. Интересующий нас рассказ напечатан уже в 4-м издании (1696)⁶⁴ и перепечатывался по крайней мере до 35-го издания (1737). Где-то около этого времени он изымается из учебника. Однако в слегка измененном варианте он продолжает печататься в другом учебном пособии — «Новом методе обучения французскому языку» Лароша.⁶⁵ В 1730 г. вышло 14-е издание этой книги, а в 1764 г. — 25-е.

Все рассказы, входившие в учебник Пеплие, были извлечены его автором из французских книг, главным образом последней четверти XVII в. Таким образом, формула «повесить одного на кишках другого» существовала уже по крайней мере за 35–40 лет до того, как ее использовал Мелье, и это, несомненно, придает убедительность высказанному выше предположению о том, что он почерпнул ее из французской публицистики конца XVII — начала XVIII в.

Вопрос об интерпретации повести Курганова № 291 должен еще стать предметом специального исследования, но некоторые предварительные выводы можно сделать уже сейчас. В числе рассказов, которые в учебнике Пеплие предлагались немцам для упражнения в чтении и переводе, было большое число антифранцузских. Учебник имел явную галлофобскую окраску, которая легко объясняется международной ситуацией в конце XVII в. «Письмовник» Курганова составлялся и вышел в свет в то время, когда в русской литературе шла активная борьба с француз-

⁶⁴ «Un François demanda à un Italien, lequel de deux il aimait mieux avoir pour son Souverain, le Roi de France ou celui d'Espagne. Je voudrais, dit-il, voir l'un pendu avec les boyaux de l'autre» (*Pépliers J.-R. des. Essay d'une parfaite grammaire royale françoise, Das ist Vollkommende Königliche Frantzösische Grammatica...* Berlin, 1696. S. 4 (отд. паг. раздела «Recueil de bons contes...»); из более ранних изданий учебника автор статьи имел возможность ознакомиться лишь с одним (Berlin, 1689), в котором этот раздел еще не был введен.

⁶⁵ «Un François demanda à un Italien lequel de deux il aimait mieux avoir pour son Maître, le roi de France, ou celui d'Espagne. Je voudrais, dit-il, que l'un fût pendu avec les boyaux de l'autre, car je n'aime ni l'un ni l'autre» (*La Roche. Nouvelle méthode pour traiter la grammaire françoise, Das ist: Neue Methode die Französische Grammatic zu tractiren...* 25. Aufl. Leipzig, 1764. S. 251–252).

